

В самые первые дни первого месяца нового года, когда еще не рассвело, Тан Шэнь уже встал с постели, чтобы встретить праздник вместе с Тан Хуан, Яо Санем и тётушкой Яо.

— С Новым годом!

— С Новым годом!

Тан Шэнь и Тан Хуан были еще малы, и им полагалось бы не спать всю новогоднюю ночь, но тётушка Яо отправила их спать, а сама осталась бодрствовать. На следующий день все четверо наклеили весенние парные надписи и совершили поклонение Небу и Земле. Затем Тан Шэнь привел Тан Хуан к поминальным табличкам их покойного отца, сюэя Тана, и матери, и они вместе склонились перед ними в поклоне.

После полудня пришел счетовод Линь, чтобы свести счета.

— С праздником, молодой хозяин!

— К чему такая спешка? Могли бы прийти и через пару дней, ничего страшного.

— Перед праздниками я закончил сверять счета в Павильоне Чжэньбао. Наше туалетное мыло и эфирное масло продаются так хорошо, что я просто не мог дожидаться возможности сообщить об этом молодому хозяину!

Хотя счетовод Линь был уже в годах, считал он отменно. Госпожа Тан не стала прятать расчетные книги, так что счетовод Линь получил отчетность Павильона Чжэньбао за этот квартал еще до конца года. Он целый день кропотливо все перепроверял и подсчитал прошлогоднюю выручку.

— Лучше всего расходуется туалетное мыло, оно принесло немалую прибыль. Эфирное масло тоже продается неплохо, но из-за высокой цены покупателей на него мало, — сказал счетовод Линь. — Госпожа Тан велела передать, что сегодня пришлет человека с вашей долей прошлогодней прибыли.

Не успел он договорить, как прибыли люди из поместья Тан — управляющий и личная служанка госпожи Тан, Хайтан. Они поздравили Тан Шэня и Тан Хуан с Новым годом, вручили праздничные дары и передали Тан Шэню причитающуюся ему долю прибыли.

Управляющий сказал:

— Молодой господин, госпожа уже напала на след того происшествия, что случилось месяц назад. Она просила передать, что как только огласят результаты уездных экзаменов, она непременно поймает виновных с поличным. Сегодня, в праздник, в доме много гостей, поэтому госпожа не смогла прийти сама. Она спрашивает, не желаете ли вы с барышней отужинать сегодня у нас?

Тан Шэнь уже и думать об этом забыл. Лишь немного поразмыслив, он понял, что речь идет о погроме, который устроил Тан Юнь, и о подозрениях госпожи Тан, будто за этим кто-то стоит.

— Спасибо, не нужно, у нас есть чем поужинать.

Управляющий не стал настаивать и ушел вместе с Хайтан.

Праздничная атмосфера в управе Гусу была необычайно оживленной. Вплоть до

шестнадцатого дня первого месяца люди ходили друг к другу в гости с новогодними поздравлениями.

Получив деньги, Тан Шэнь призадумался, не заняться ли продажей чего-нибудь еще. Однако, изучив обстановку на месте, он обнаружил, что управа Гусу хоть и процветает, но именно по этой причине здесь есть практически все! Торговля туалетным мылом и эфирным маслом шла успешно лишь потому, что эти товары относились к разряду роскоши. По крайней мере, эфирное масло было настоящей роскошью, а туалетное мыло — вещью дорогой, но более доступной. Тан Шэнь прекрасно понимал: не будь за его спиной поддержки в виде огромного богатства семьи Тан, продавать туалетное мыло и эфирное масло оказалось бы далеко не так просто.

Семнадцатого числа первого месяца поток гостей, желающих поздравить цзюйжэня Тана, поредел. Тан Шэнь взял с собой Тан Хуан и отправился засвидетельствовать почтение. Госпожа Тан лично приняла брата с сестрой. Она не стала спрашивать, как Тан Шэнь планирует распорядиться полученной долей от продажи туалетного мыла и эфирного масла, а сразу перешла к делу:

— После праздников я хочу начать продавать обычное мыло. Что думаешь об этом, племянник?

— Мои мысли полностью сходятся с вашими, тетушка. Время пришло, медлить дальше нельзя.

— Хорошо, тогда я займусь приготовлениями. Надеюсь, все пройдет так же успешно, как ты и обещал.

Эфирное масло было предметом роскоши, недоступным для простых семей. Туалетное мыло покупали охотнее, но круг его покупателей все же оставался ограниченным.

С самого начала главным козырем в рукаве Тан Шэня было именно обычное мыло.

Он снова отправился в загородную мастерскую. Рабочие разъехались на праздники по домам, поэтому они с Яо Санем вдвоем сварили партию мыла. Тан Шэнь подсчитал себестоимость производства и сверил расчеты с нанятым управляющим мастерской, убедившись, что затраты удалось снизить до предела.

— Молодой хозяин, цена на это мыло слишком низкая. Продавать его за бесценок — себе в убыток. Не лучше ли назначить цену повыше? — спросил Яо Сань.

Тан Шэнь не успел ответить, как стоявшая рядом девочка звонко возразила:

— Брат Яо, разве это дешево? Это ведь целых на два медных гроша дороже, чем обычные мыльные плитки!

Яо Сань опешил:

— А? Но я ведь говорю о мыле, почему А-Хуан сравнивает его с мыльными плитками?

Тан Хуан покачала головой с видом разочарования в его сообразительности — точь-в-точь как Тан Шэнь полгода назад:

— Брат Яо, ты ведь сам пользовался нашим мылом. Разве по своим свойствам оно не похоже на эти плитки?

— Да. Но наше мыло куда чище и отмывает вещи гораздо лучше!

— И то верно, но в конце концов они выполняют одну и ту же задачу. Мы ведь хотим продавать наше мыло не избранным, а большинству людей, беря оборотом при малой прибыли. Если назначить цену намного выше, чем на обычные плитки, жители управы Гусу ведь не дураки — зачем им переплачивать, если можно купить старые проверенные?

Яо Сань задумался, и его лицо озарилось пониманием:

— Вот оно что!

Тан Хуан, подражая старому закоснелому книжнику, важно покачала головой из стороны в сторону:

— Дитя поддается обучению!

Тан Шэнь и смеялся и злился. Он щелкнул ее по лбу:

— Какое еще «дитя»! Где ты только набралась этих словечек?

— Счетовод Линь так говорит: «Дитя поддается обучению». Тан Шэнь, ты опять меня обижаешь!

Тан Шэнь стал немного серьезнее:

— Да бог с ним, с этим выражением. Я спрашиваю о другом: кто сказал тебе, что мы хотим продавать мыло большинству людей ради быстрого оборота при малой прибыли?

Тан Хуан хитро прищурилась:

— Сама догадалась!

— Догадалась она, как же! — Тан Шэнь ухватил девочку за воротник. — Даже не думай сбежать. Говори честно, когда ты успела этого наслушаться?

Тан Хуан прикрыла глаза руками:

— Караул! Маленьких обижают! Тан Шэнь — просто чудовище!

Тан Шэнь:

— ...

Ну и семейка у него подобралась — один чуднее другого!

Первый месяц нового года перевалил за половину, а Лян Сун все еще не вернулся в управу Гусу. Тем временем в Академии Цзыян возобновились занятия.

В первый день занятий Тан Хуан и тётушка Яо собрали для Тан Шэня корзинку с едой. Тан Шэнь попытался снова щелкнуть сестру по лбу, но она ловко увернулась.

— Тан Шэнь опять хочет меня обидеть, злой человек! — крикнула Тан Хуан.

— Вот вернусь вечером, и ты мне выложишь, зачем каждый день бегаешь в Павильон

Чжэньбао! — хмыкнул Тан Шэнь.

Девочка скорчила ему рожицу.

Тётушка Яо вынесла из дома теплое ватное пальто:

— Молодой хозяин, наденьте побольше теплых вещей. Кто бы мог подумать, что после праздников так резко похолодает. Слышно, на юге выпал небывалый снег, вода замерзла, а дороги замело.

Тан Шэнь и сам почувствовал озноб, поэтому взял теплую одежду и натянул на себя.

Из дома вышел Яо Сань:

— И впрямь странно. В Шаньси такие снегопады для нас были делом привычным, но чтобы в Цзяннани валил такой снег — отродясь не слыхивал. — Подивившись, он добавил: — Пойдемте, молодой хозяин, я провожу вас до академии.

За праздничный месяц тётушка Яо воспользовалась тем, что Тан Шэнь сидел дома, и принялась усердно закармливать его. Благодаря ее стараниям он немного округлился, но все же оставался весьма худым. Закутанный в две теплые ватные куртки, он выглядел довольно неуклюже, а со спины походил на изнеженного юного господина из богатой семьи. Однако, добравшись до Академии Цзян и увидев Сунь Юэ, Тан Шэнь не сдержался и прыснул со смеху.

Толстяк Сунь укутался так, что стал похож на шар. Завидев Тан Шэня, он громко и смачно чихнул.

— Эй, держись от меня подальше со своей простудой! Заболел, а все равно притащился на занятия? Не боишься, что глава академии Чжэн отправит тебя домой?

— Простуда? Да я бы только рад был простудиться, хоть в академию ходить бы не пришлось, — сокрушался Сунь Юэ.

Когда начался урок, Тан Шэнь заметил, что в классе не хватает почти половины учеников.

— А с остальными-то что стряслось? — спросил Тан Шэнь.

— А то ты не знаешь, — Сунь Юэ потер покрасневшие от холода руки. — Свалились с настоящей простудой.

— Ты оделся теплее моего, а руки совсем заоченели, — усмехнулся Тан Шэнь. — Говорят же, что толстякам мороз нипочем.

— Кто тебе глупостей таких наговорил? С чего это вдруг толстякам нельзя мерзнуть? Это ты у нас какой-то бесчувственный! Ты разве не видел людей за городскими стенами? Вот они по-настоящему исхудали, от холода чуть не умирают! — Сунь Юэ вытаращил глаза.

Тан Шэнь растерянно замер:

— О каких людях за городом ты говоришь?

Сунь Юэ снова потер ладони. При воспоминании о вчерашнем дне его голос упал:

— Да о беженцах с юга. Вчера мы с матушкой ходили к палатке раздачи каши за воротами. Там столько народу... Конца и краю нет. Снег валит стеной, а вокруг — живое море людей.

Конец первого месяца принес с собой весенние заморозки.

На юге редко случались столь суровые холода. Ледяной ветер безжалостно хлестал по лицам, точно полосую кожу острым ножом. Воздух застыл, отдавая мертвенной бледностью. Небо затянуло тучами, и вскоре пошел снег. Он не был густым, ложился на землю влажным слоем и тут же таял под ногами прохожих.

Стоило Тан Шэню и Яо Саню переступить порог, как посыпались первые снежинки. Тётушка Яо выбежала вслед за ними, чтобы отдать зонты.

— Молодой хозяин, говорят, у западных ворот скопилось множество беженцев, они буквально перекрыли проход. Может, обойдем через северные? — предложил Яо Сань.

— Хорошо. Учитель как раз должен возвращаться с севера.

И действительно, сегодня Тан Шэнь отправлялся за город, чтобы встретить Лян Суна.

<http://bllate.org/book/18292/1754423>